

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ПЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

4
ЛМ-
АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ЭТНО- И ГЛОТТОГОНΙΑ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1935

ПЕЧАТАЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ РЕДАКЦИОННОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ

С. Н. Быковского, акад. *И. И. Мещанинова*, **акад. С. Ф. Ольденбурга**

НАСТОЯЩИЙ ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

В. Б. Антекарем

Ответственный редактор *Ф. В. Кипарисов* Технический редактор *Г. Г. Гильо*
Рисунок для переплета, титула и контртитула работы *В. Д. Двораковского*
Форзац автолитография *Е. Г. Дорфман*. Супер-обложка по макету *Г. Г. Гильо*

Цена книги 16 руб., переплет 1 руб. 50 коп.

Отпечатано в количестве 5 тыс. экземпляров в типографии Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, № 12

Сдано в набор 4 июля 1934 г. — Подписано к печати 5 декабря 1935 г.

Ленгорлит № 33697. Авт. л. 58,2. Бум.: формат 72 x 110, л. 431/4. — Тип. зн. в бум.'л. 109,2 тыс. — Тир. 5000. — Заг. № 1171

Сухум и Туапсе¹

(Киммерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья)

Давно ли приходилось трактовать о происхождении терминов того же порядка, названий населенных пунктов Черноморского побережья, таких, как Анапа² и само Туапсе?³ То было время увлечения и, во всяком случае, систематического применения одного формально-фонетического сравнительного метода, без опоры в законах учения о значениях, семантики, и без палеонтологии, в частности без норм семантики в названиях населенных пунктов. Точно века прошли. Мы историю не занимаемся, даже историей нашего вопроса; иначе мы коснулись бы не только чужих, но и своих грехов, в том числе попытки разъяснить «Туапсе», видеть в нем, а с ним и в названии села в Гурии, Двабзу (← *Duabzu*), образование с префиксом *to-* → *du-*, присущим мегрельскому языку.⁴

Если нам приходится так расходиться с самим собой, то естественны громадные размеры дистанции, отделяющей нас от тех, которые никогда не только не вникали в основы яфетической теории, но и вовсе не подходили к элементам яфетического языкознания — при этом дело идет не только о Туапсе и Сухуме, но вообще о топонимике Абхазии, особо городов и особо сел.⁵

Настоящие строки посвящаются идее черноморских краеведческих съездов. Доистория человечества началась с воды, в большем масштабе, мировом — с моря. Речь не только о путях, речных или иных водных путях, которые, несмотря ни на какие иные технические успехи, не теряют по сей день значения, продолжают оказывать свое благотворное воздействие на хозяйственную и общественную жизнь человечества, следовательно, на его мышление, на его творческую философию. Речь о том, что человечество с зачатками мировой общности и орудием ее, речью линейной (ручной или мимической) и звуковой, возникло, по всей видимости, у моря, по побережьям Средиземного моря, из бассейна которого никак нельзя выкинуть даже Каспийского и Аральского морей, несмотря на их нынешнюю отрезанность. Об изоляции же Черного моря и по ошибке-то думать нельзя. У морей, а с ними и побережий морей, т. е. прибрежных населений, есть свои общие интересы, независимо от племенного происхождения и государственных образований, начиная от болезней и кончая высшим проявлением человеческой изобретательности, умением устраивать человеческую жизнь в линии ее освобождения не только от людского же насилия, но и от порабощения природой. Из этого общего положения также, конечно, нельзя изъять прибрежное население Черноморья, в частности и прибрежное

¹ [Напечатано в ИГАИМК, т. IV, стр. 299—310].

² О происхождении имени Анапа [см. здесь, стр. 272—273].

³ История термина «абхаз», ИАН, 1912, стр. 700, 702.

⁴ История термина «абхаз», ук. м.

⁵ Отрицательный ретроспективный взгляд на наши прошлые топонимические изыскания, однако, вовсе не означает, что мы можем отказаться сейчас же от нашего анализа Анапы в пользу понимания термина как «Ане-спе» 'нос || устье (речки) Аны' (Тамбиев, Адыгейские тексты, СМ, т. XXV 1898 отд. III, стр. 91).

население черноморского востока или кавказского запада. Население здесь пестрое, ныне не менее, чем в древности; в этом гарантия доброкачественности местной общественной работы, стимул живого обмена веществ, с ними и мыслей, и здоровой конкуренции, из которой, однако, никак нельзя исключить местное же коренное население. Пора уделить внимание и в науке таким самостоятельным, исключительно оригинальным явлениям, как этнические образования, вросшие в почву Черноморского побережья, вымершие ли они, собственно переродившиеся в новые народности, в роде кимеров и скифов, или пережиточно здравствующие, как лазы (чаны) мегрелы и отмеченные печатью особого своеобразия абхазы и примыкающие (увы! в значительной мере примыкавшие когда-то к ним) средние племена и народы, в числе последних на первом месте здравствующие поныне, хотя не без урона, черкесы, адыгей. Если и дальше мы будем вести свои занятия на поводу политических интересов пришлых элементов, набегавших в процессе своей торгово- или военно-захватнической экспансии с островов и полуостровов, что за морями, или континентальных, всегда более однородных человеческих скоплений, что за горами, то едва ли мы когда-либо проникнем не только во внутреннюю природу житья-бытья прибрежного населения, но и в смысл его внешнего облика, его облачения, названий его населенных пунктов, городов. Как городов? Разве у этих народов были культурные центры? Города? Известно, их основывали греки и другие, по истории господствовавшие на берегах Черного моря торговые, военные и иные культурные народы. Странно, конечно, что все эти культурные народы, обосновываясь на побережья Черного моря, несли свои яйца и вылупляли своих птенцов в чужих гнездах, городах и населенных пунктах, носивших чуждые новонасельникам названия. Ведь не с одной Ольвией дело обстоит так. Не помогает укрыть любопытный факт и всплывающая иногда попытка переделать местное название оказавшего гостеприимство облюбованного пункта, переименовать его по-своему. Старое все-таки переживает и, как правда, кое-кому колет глаза. А нас берет иногда сомнение, впрямь ли несшиеся в этих гнездах яйца и вылуплявшиеся в них птенцы, эти золотые яйца и золотоперые птицы, были продукцией одних наезжих, часто лишь проезжих, молодцов?

Интерес к происхождению названий Сухума и Туапсе естественен; его приходилось наблюдать и в неученой среде. Не раз приходилось слышать и за только что совершенную (30 сент. — 18 окт.) поездку в Абхазию. Не раз слышал я на пароходе вопрос: «Что значит Туапсе? Почему называется город Сухумом?» Но вопрос оставался без ответа. В этом нет ничего удивительного. Ведь точно так же никто до сих пор не знает, почему Москва называется Москвой. Есть, конечно, целый ряд научных толкований, но они одинаковой цены: одинаково несостоятельны. Предупреждаю: когда речь о Москве, они несостоятельны даже тогда, когда их объясняют с помощью финского. Ведь есть толкование и названия города Сухума, очень простое, легкое и вразумительное, т. е. со всеми признаками неподдельной истины: город расположен у моря, у 'воды', и на берегу масса 'песку', отсюда, мол, 'Вода-Песок' — название города Сухума: по-турецки su 'вода' и kum → kum [→ qum = хум] 'песок'. К сожалению, название Сухум древнее появления турецкой речи не только на Черном море, но вообще на

Кавказе. Сухум = Suqum — сравнительно новая форма с полногласием слова *squm ↙ ŝqum, как еще в древности назывался город у грузин, но и эта форма ŝqum — позднейшая усеченная; полная форма в этом произношении ŝqumar, что представляет собой племенное название, скрещенное, т. е. возникшее из слияния двух племенных названий ŝqu, на низшей ступени squ (← zġu ← *sku), и mar. Каждая из приведенных разновидностей имеет свои дериваты в роли нарицательных имен в языках Кавказа, яфетических языках Кавказа, который полон переживаний этнической культуры тех двух племен, скрещение названий которых мы имеем в ŝqum'e, собственно, в его архетипе ŝqu-mar ↘ squ-mar (← sku-mar, resp. skumar).

Squ ↗ ŝqu два звена из цепи или длинного ряда разновидностей племенного названия скифов, собственно его основной по принятому формальному анализу части (sku-да → Σχῶ-δα-ι). Если взять подлежащий ряд полностью, с колебанием губной огласовки в стороны то узкого (u), то широкого (o) ее произношения, именно:

на низшей ступени	$sk \frac{o}{u} \rightarrow z\check{g} \frac{o}{u} \rightarrow sq \frac{o}{u}$,
на высшей ступени	$tk \frac{o}{u} \rightarrow d\check{g} \frac{o}{u} \rightarrow \check{s}q \frac{o}{u}$,
с опрошением переднеязычных аффрикатов (десиблованно)	$tk \frac{o}{u} \rightarrow d\check{g} \frac{o}{u} \rightarrow \check{s}q \frac{o}{u}$,
со спирантизацией сибилантов	$k \frac{o}{u} \rightarrow \check{g} \frac{o}{u} \rightarrow q \frac{o}{u}$,

и т. д., и т. д., то нет почти ни одной из этих разновидностей, которая не была бы налицо в сохранности использованною в качестве того или иного нарицательного имени.

Возьмем два случая использования племенного названия, один тотемный, другой — классовый или сословный, для чего придется остановить выбор на

$z\check{g} \frac{o}{u}$ (↗ $d\check{g} \frac{o}{u}$) и $tk \frac{o}{u}$.

а) Уже известен факт наречения моря тотемно по названиям яфетических племен, греч. πέλαγος — пеласгов,¹ лат. mare || русск. more ~ ↗ лат. pont-us — беров (и-беров)² и др.

Само собою понятно, что историческими языками индоевропейской группы, греческим, латинским, русским и т. п., эти слова унаследованы в процессе их созидания от яфетических племен, у которых они возникали в порядке перво-

¹ Н. Марр, Об яфетической теории, НВ, 1924, кн. 5, стр. 330 [ИР, т. III, стр. 18]; его же, Предисловие немецкого переводного с русского труда Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, 1923, стр. 17 [русский перевод предисловия см. в ИР, т. I, стр. 149—157]. О другом тотеме, уже из птичьего мира, того же племени, именно 'аисте', унаследованном греками в виде слова πηλαγός, см. работу «К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», ЗВО, т. XXV, стр. 33.

² Н. Марр, Краеведение, стр. 12—13, изд. Асс. горск. краев. орган. Сен. Кавк., Леинград, 1925.

бытного доисторического мышления и словотворчества. Происхождение того же порядка имеют слова со значением 'море' у наличных представителей яфетических племен, так существующее для понятия 'море' слово у грузин *zǧu-a* (← *zǧu-va*, новогруз. *sǧva*), у сванов *duǧw-a* (← **ǰǧu-va*) есть не иное что, как скрещение племенного названия скифов, наличного в разновидностях его чистой основы формы *zǧu*, с берским племенным названием *var* (|| *mar*, тем же *mar*, что в латинском в форме *mar-e* самостоятельно означает 'море'), в усечении — *va*, т. е. архетип термина, следовательно, **ǰǧuvar* (↘ *zǧuvar*).

б) Известен также, яфетидологически давно наблюден и разъяснен факт использования племенных названий в значении сословных, resp. классовых терминов. Как шаблонный пример, мы обычно приводим использование берского (и-берского) племенного названия в значении 'дворянина': св. *var+gǧar* 'дворяне',¹ и колхского — в значении 'крестьянина', 'раба': груз. *gleǧ*.²

По сродству понятий 'крестьянин', 'раб' и 'пленник' в связи с их общественным положением, к категории этих слов относится и груз. *tǧue* (новогруз. *tǧve*), 'раб', 'пленник', с производным от него отыменным глаголом *da-tǧvev-eb-a* 'брать в плен'.³ Изолированное в самом грузинском и не имеющее закономерных соответствий-двойников в ближайше родственных языках, слово представляет вклад языка с раздвоением *o* в *we*, т. е. грузинское *tǧue* (новогруз. *tǧve*) является передачей чтения *tǧwe*, восходящего к архетипу **tǧko*. Этот архетип с его двойником *tǧku*, как мы теперь знаем, основа скифского племенного названия. Архетип с широкой губной огласовкой **tǧko* в самом грузинском мог разложиться лишь в **tǧkwa*, resp. *tǧka*. Такое раздвоение гласного «о», свойственное свистящей группе, к которой принадлежит и грузинский язык, разделяется, как известно, и абхазским. Поэтому-то в абхазском слов на «о» — очень мало: к цельным губным гласным у абхазского языка точно отращение, и потому-то там, где надлежало бы им быть, «о» раздваивается в *wa*, как в грузинском, но последовательнее, чем в грузинском, а «и» в *wə*, в параллель разложению того же узкого гласного у чувашей в *əw*. И вот в том же слове древнелит. *tǧue* (новогруз. *tǧve*), в котором грузины нам сохранили в значении 'пленника', 'раба' с сванским раздвоением «о» в *we* архетип **tǧko*, абхазы выявляют присущее им раздвоение «о» в *wa*, что при наличии у них лабиализованных согласных архетипу **tǧko* по разложению в **tǧkwa* дало переродиться в разновидность *tǧka-*, и в этой именно форме слово это со значением не 'пленника' или 'раба', а племенного названия, мы находим в составе названия Туапсе, по-абхазски: *Tǧka-φs*.

Таким образом выходит, что обычное название нашего города представляет случай утраты горганного *k*. Эга утрата отнюдь не чужда абхазскому языку в том же племенном слове, но с узким произношением губной огласовки, т. е. *tǧku*, с утратой же *k*, как то наблюдаем и в «Туапсе», основа *tu* по разложению согласно абхазской норме в **twə*, переродилась в силу господства в речи абхазов

¹ Ср. Н. Марр, Батум, Ардаган, Карс, Петр, 1922, стр. 31, где напрасно мы сомневались в правильности этого отождествления; см. также Об яфетической теории, стр. 318 [ИР, т. III, стр. 15].

² Батум, Ардаган, Карс, стр. 31; Об яфетической теории, стр. 317 [ИР, т. III, стр. 14].

³ По Орб.: «захваченный из войска или насильственно согнанный с жительства или запродаанный по похищению (Быт. 31, 26)».

лабиализованных зубных в разновидность *tə*, и ее мы имеем уже со значением 'раба' в абх. *a-l-ə* 'раб' на этот раз семантически в параллель груз. *t̄kve* (древнелит. *t̄kie*) 'пленник', 'раб'.

Итак, первая часть названий обоих городов и Туапсе (*Tka-φs*) и Сухума (*Ḫ̄q̄i-m ← Ḫ̄q̄i-mar*) — название скифского племени, собственно его, как принято представлять себе, основы *sku* (*Σκῦ-θα-ι*). Но зато различны вторые части. Так казалось когда-то и нам.

Вторая часть термина Сухум (*Ḫ̄q̄i-mar ↘ *S̄q̄i-mar*), т. е. *mar* (→ -ш), вполне ясна. Она — основа племенного названия *i-ber*. Это второе племенное название, оно же племенное слово — налично и в качестве нарицательных имен в самом абхазском языке, языке народа, происхождению и родственным связям которого с другими яфетическими народами посвящена особая наша работа «Абхазоведение и абхазы».¹ Понятно, в абхазском языке это слово приняло тот или иной вид, иногда также не один, соответственно сложному составу абхазской речи, соответственно звуковым особенностям различных отложившихся в ней племенных языковых слоев. Так берское племенное слово, именно в акающей форме, *mar* означало 'руку'. В этом значении оно сохранилось у грузин непочто в составном слове *mar-ḑ̄ven-a* (древнелит. *mar-ḑ̄ven-e* 'правый', букв. 'рука (*mar-*) правая (*-ḑ̄ven ← -ḑ̄ven*)). От той же основы с подъемом *m ↗ b*, т. е. *bag-*, грузинский имеет глагол *ḑ̄a-a-bag-a* 'он поручил ему'.

В абхазском *mar* 'рука' имеет гораздо более широкое распространение с падением плавного *r*, в исходе или паузе, в слабый гласный *ä*: это *ä-mā = ä-mā* 'рукоють', *ä-ḑ̄-mā = ä-ḑ̄-mā* 'рукоють плуга'.²

Но так как от 'руки' происходил глагол 'делать', 'строить', то *mā = mā* могло бы означать и 'постройку', 'селение', 'город' и т. п. У грузин, утративших в своей речи долготу гласных, *mā* переродился в *ma*, и его мы имеем в названиях населенных пунктов в Гурии, как-то *ḑ̄ar-ḑ̄-ma*, *ḑ̄ar-ḑ̄-ma*.³

К осмыслению *-ma* в названиях населенных пунктов мы могли бы подойти и иначе, как к пережитку племенного названия. В связи с этим можно бы выявить не только использование его в значении различных нарицательных имен, в том числе и 'реки+воды', но и различное функциональное значение, между прочим и выражение мн. числа. Сейчас мы уточнением палеонтологией данного термина не занимаемся; иначе мы привлекли бы и зарубежные мате-

¹ [См. здесь, стр. 162—186].

² См. другие эквиваленты, в том числе и армянский, Н. Марр, Прилагательные 'длинный' и 'короткий', ИАН, 1925, стр. 718.

³ И в статки *ḑ̄ar-ḑ̄-ma*, *ḑ̄ar-ḑ̄-ma* вовсе не простые основы, а скрещенные, сугубые. Из них вторая часть *ḑ̄-ma* — пережиток также особого племенного слова, формально-фонетически в данном случае одного происхождения с *ḑ̄-ma ← ḑ̄-ma* в составе или в основе целого ряда грузинских нарицательных имен (*ḑ̄-ma* — 'лошадь', *mar-ḑ̄-ma* — 'левая рука', *mar-ḑ̄-ma* — 'несчастье' и др.), где она уже разъяснена в других значениях, а в топонимике требует иного семантического разъяснения, причём нет надобности увлекаться в той мере, чтобы в *ḑ̄ar-ḑ̄-ma* усматривать всеприменно христианский символ *ḑ̄ar-ma* 'крест', хотя и название села произносят 'окульзуренно' и *ḑ̄ar-ma* 'распятие', в несомненном предположении, что этот топонимический термин христианского происхождения. О суффиксе *-ma* в северной топонимике в Приволжье см. Н. Марр Приволжские и соседящие с ними вародности в яфетическом освещении их племенных названий [см. здесь, стр. 304], но особенно в печатаемой Чувашиздатом работе «Чуваши — афелиды» [см. здесь, стр. 323—372].

риалы, без которых нельзя обходиться ныне при исчерпывающем и правильном толковании и грузинских материалов;¹ факт же пока достаточный для нас, что это — племенное название.

Это же племенное название с усечением огласовки у абхазов налично, соответственно закону, общему у абхазов опять-таки с северным приволжским народом, чувашами, $г \sim \text{з}$, resp. $з$ и т. п. — в виде $\varphi\text{з} \leftarrow b\text{з}$ и т. п.: это основа национального названия абхазов — $a\text{-}\varphi\text{з}\text{-w}\ddot{a}$, что означает, следовательно, ‘бер’ (‘и-бер’).

Как любое иное племенное название, в том числе и другая разновидность того же племенного названия, и слово $\varphi\text{з} \rightarrow \varphi\text{s}$ может означать ‘поселение’, ‘город’, и его-то с этим значением и можем иметь прежде всего в названии города Туапсе, по-абхазски звучащем $\text{Tk}_a\text{-}\varphi\text{з}$, что восходит к архетипу $*\text{Tko-}\varphi\text{з}$, т. е. опять-таки, как и в названии Сухума ($\dot{\text{O}}\text{qu-m} \leftarrow \dot{\text{O}}\text{qu-mar}$), в архетипе налипо или основа названия скифов sku- ($\nearrow \dot{\text{z}}\text{qu-}$, tko- , ср. skol+o-t) с берским племенным названием ($-\text{m} \leftarrow -\text{mar}$, $-\varphi\text{з} \leftarrow -b\text{з} \sim -b\text{r}$) в нарицательном значении ‘поселение’, или скрещение двух упомянутых племенных названий, как то мы наблюдаем, напр., в ki-mer и zu-vash ($\text{z}\ddot{a}\text{-vash}$), т. е. $\dot{\text{O}}\text{qu-m}$ ($\leftarrow \dot{\text{O}}\text{qu-mar} \parallel * \text{Tko-}\varphi\text{з} \rightarrow$) $\text{Tk}_a\varphi\text{з}$.

Входящие в состав этих двух сложных названий элементы в отдельности встречаются и самостоятельно, как то показано выше,² и в сочетании с другим племенным словом, именно ионским — $\text{z}\ddot{a}\text{n} \rightarrow \text{z}\ddot{a}$. Таково, как теперь выясняется палеонтологически, происхождение племенного названия $\text{sku-z}\ddot{a}$ ($\Sigma\text{X}\acute{\upsilon}\text{-}\text{z}\ddot{\alpha}\text{i}$) $\leftarrow * \text{skul-z}\ddot{a}\text{n}$, т. е. букв. ‘скул-йон’ или ‘скол-йон’ (ср. skol+o-t), если не ограничиваться формально-сравнительным анализом, при котором $-\text{z}\ddot{a}$, будучи того же ионского племенного происхождения, является функциональным, отправляет службу признака мн. числа или собирательного имени.³

Когда в абхазском та же составная основа $\text{sku-z}\ddot{a}$ со спирантизацией $\text{qu-z}\ddot{a}$ ($\leftarrow * \text{hku-ta}$) появляется в виде $a\text{-q}\ddot{e}\text{z}\ddot{a}$ со значением ‘деревня’, мы не можем не колебаться, функционально ли в нем слово $\text{z}\ddot{a}$, служа в абхазском в связи с собирательностью и суффиксом местонахождения (так в абхазском), или же это скрещенное племенное название ску^гл¹-йонское, и, как таковое, в одних случаях, когда это ску^гл¹-йонское скрещенное образование, подлинно скифское, являлось земледельческим классом, сельским населением, его название служило нарицательным именем, означающим ‘село’, ‘деревня’, а в других случаях, когда оно представляло военное, организующее племя-класс, тем же его названием обозначались строившиеся им города, что мы видим на названии Кутаиса, основа которого $\text{qu-z}\ddot{a}$ тоже абхазское слово скифского происхождения — $a\text{-q}\ddot{e}\text{z}\ddot{a}$, но, очевидно, со значением ‘город’.

С составными терминами, названиями Сухума и Туапсе, восходящими, как выяснено, ближайше к архетипам $*\dot{\text{O}}\text{qu-mar} \parallel * \text{Tko-}\varphi\text{з}$, мы попадаем и на яфети-

¹ Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности [см. здесь, стр. 288—308].

² См. выше, стр. 155 сл.

³ Н. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 34—35], где спирантизованный архетип и с сохранением плавного: $\text{kol} \parallel \text{kul}$.

ческий север, в Приволжье. Здесь * $\acute{\Theta}q\iota$ - $\text{ma}g$, двойник, не забудем и это, $\text{шмер}'а$, имеет и другие разновидности-двойники, в числе их $\acute{\vartheta}\acute{\alpha}$ - $\text{va}\text{ш}$ 'чуваш' и т. п. Если же отвернуться пока от языков, в которых плавный г представлен в виде свистящего (s) или шипящего (ш, *resp.* \acute{s}) сибиланта, и держаться в точности полногласия в древнейшем его подборе, то перед нами выбор одной из двух основных форм: или 1) форма эпохи грамматической морфологии со скрещенным полногласием окания+акания, как в наших терминах $\acute{\Theta}q\iota$ - $\text{m}'a\text{r}'$ || $\text{Тко-}\acute{\varphi}\acute{s}$, или 2) формы дограмматической племенной морфологии с однообразным полногласием давнего племенного примитива, целиком или аканием, или оканием, или эканием. Надо иметь в виду, что эти названия, как ни воспринимать отдельные части, в целом все-таки двуплеменные скрещенные образования, разновидности реального племенного названия, и, как племенное слово, оно могло быть использовано в порядке тотемного словотворчества в значении 'неба', и в значении того или иного 'священного животного', а затем и вообще 'животного', 'живого', так с тем же грамматическим полногласием о—а, как * $\acute{\Theta}q\iota$ - $\text{ma}g$ (|| * $\text{Тко-}\acute{\varphi}\acute{s}$) \rightarrow * $\acute{\Theta}q\iota$ - $\text{ma}g$, его разновидность с чередованием губных m || v — $\acute{\vartheta}q\iota$ - $\text{va}g$ означает в тотемном порядке 'овцу', уже затем 'животное' и т. п. (отсюда глагол $\acute{\vartheta}q\iota\text{v}g$ - eb -а 'жить', 'жизнь'), причем это собственно по шипящей группе, где начальному согласному следовало бы быть шипящего ряда — $\acute{\vartheta}$: * $\acute{\vartheta}q\iota\text{va}g$ \rightarrow * $\acute{\vartheta}q\iota\text{oa}g$, что и сохранил нам армянский с присущей ему перестановкой: $\text{o}\acute{\vartheta}q\iota\text{a}g$ 'овца', а свистящий его эквивалент $\acute{\vartheta}q\iota$ - vel имеет лишь это вторичное значение, общее — 'животное' и т. п. Раз составной скрещенный термин был, очевидно, названием реального племенного образования, то ясно, что по основам палеонтологии речи, мы должны иметь его и в значении 'неба', *resp.* его двойников, 'нижнего неба', т. е. 'земли', и 'преисподнего неба', т. е. 'моря' или, по крайней мере, его дериватов, в числе последних 'арки', 'свода', 'лука' и т. п. Грузинский язык нам сохранил то же скрещенное племенное слово со значением 'лук' от другой племенной разновидности корня с потерей заднеязычного согласного (по типу племенного названия шмер || глагольного имени действующего лица г. m - шobel 'родительница'), в той же огласовочной форме (о-е || о-и) — ш-vil-d (\leftarrow * шu-vil-d), связь которого именно с нашим племенным названием вскрывается и наличием в сванском $\acute{\vartheta}q\text{wl}+a$ - qemet (стянуто: $\acute{\vartheta}\acute{\alpha}$ - $\text{qem}d$) || $\acute{\vartheta}q\text{ula}$ - qemad || $\acute{\vartheta}q\text{wl}$ - $\acute{\vartheta}q\text{em}d$ 'стрела и лук', раз $\acute{\vartheta}q\text{wl}$ (\leftarrow $\acute{\vartheta}q\text{u}$) [\leftarrow $\acute{\vartheta}q\text{ul}$] 'стрела'. Это дает основание утверждать, что 'лук' рядом с самостоятельно существующим qemad \rightarrow $\text{qem}d$ звучал — $\acute{\vartheta}q\text{em}d$, во всяком случае архетип этого слова, означающего 'лук', тоже двуплеменное сал-берское слово * $\acute{\vartheta}q\text{e-mad}$ || * $\acute{\vartheta}q\text{e-med}$ (с зубным *vm.* плавного, как во второй части термина Sag-mat).

Если же держаться дограмматической племенной морфологии, то при акании мы получим Ta-bal , при экании Te-bel , *resp.* Teber и т. д., что налицо в названии городов Цебельды (абх. Tabal , груз. Tebel , с суфф. - da : Tebel-da) и Теберды (Teberda). Эти и названные выше формы, одни этническо-морфологической эпохи с огласовкой а — а и т. п., другие грамматическо-морфологической эпохи с огласовкой о — е || о — а появляются и за рубежом Кавказа: так, напр. евр. Qubal ||

греч. *Θobel*, асс. *Tabal*¹ (ср. абх. *Ṭabal*). Ведь в этих разновидностях имени библейского эпонимного имени корень-то общий с нашими терминами. Считать ли представителями спирантной группы (*t* → *k*) или спирантизованными разновидностями от двузвучных *t̄k* (→ *d̄g* → *ṣq̄*), как *q̄mäd* (→ *ṣqe-mäd*), сюда относятся: *Keber-de* || *kabar-da* с двуплеменной основой *ka-bar* ↘ *ka-mag*, основой в то же время названия того племени камаритов, которое, по Страбону, входило в племенной состав населения страны, ныне называемой Абхазией. По названию их, предполагается, известен был один тип судна *ka-mag-a*, и вот тут встает вопрос, правда ли, по названию этого черноморского племени, или вообще яфетического племени, название которого тотемно означало 'небо', гесп. 'море' и все его дериваты?² Впрочем, об этом названии судна и его разновидностях поговорим особо, а пока зарубим себе на память, что названия Сухума и Туапсе одинаково местные, в них, как в точных закономерных эквивалентах, отложились названия скрещенного племени Цхумар *Ḫ̄q̄u-mag*, оно же со спирантизацией — **komag* (→ *komag*) || *ko-var* → **ku-wa* (в абх. к.а: *A-k̄a* 'Сухум'),³ с эканием — *ki-mer* (*i-ber*) или, что то же, *T̄k̄a-φs*, с которым, у черкесов звучащим по А. Н. Генко *fu-φs* (или *te-φs*? В Сухуме мне сообщали, будто есть форма: *T̄o-φs*), имеет более интимные связи приволжский *ḫ̄ə-vaṣ* 'чуваṣ'. В самой Абхазии есть другие разновидности этого двуплеменного слова, в названиях городов, то с *t̄k̄* — *T̄k̄ə-bəp* 'Дранда', то с *ta-* (*te-*, гесп. *t̄-*, см. выше), в качестве первой составной части.⁴ Говоря о племенном названии в основе топонимического термина, мы огнюдь не предпрещаем, что в том или ином случае название населенного пункта ничего, кроме племени, не означало. Достаточно сказать, что речь может идти о предмете культа данного поселения: племенное название, как известно, одновременно и название божества, вначале тотема.

Перед нами встает вопрос о датировке строительства этих западнокавказских кимеров и чувашей, именно цхумаров или цхумов, гесп. чхумаров и чхумов, следы деятельности которых прослеживаются на восток до верхнего течения Риона, до Свани, на меже с которой расположена страна Ле-чхум с давно успевшим огрузиниться населением.

Но можно ли братья всерьез за такой вопрос, когда до сих пор не положено начала научно оборудованным систематическим раскопкам, которые, направляемые специалистами во всеоружии и теоретических знаний по стране и технических приемов, а не случайно набегающих научно босых наездников, ввели бы нас, от слоя до слоя, в богатые пережитыми культурами недра глубочайшего общечеловеческого интереса, и вводили бы по памятникам материальной культуры,

¹ Иос. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, Пб., 1914, МЯЯ, т. XIII. О Сухуме-Цхуме || Кимере-Ибере см. Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна» [см. здесь, стр. 122].

² N. Marr, Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 140 сл., 167 [перевод см. в ИР, т. III, стр. 201 сл.]. Предложенный здесь формальный анализ *ka-mag* ныне имеет конечно, лишь усл. вное значение позднейшей морфологии.

³ Н. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 35].

⁴ О других еще названиях нас. ленных пунктов Абхазии, связанных с кимерским или иберским племенным образованием, см. Н. Марр, Абхазоведение и абхазы [см. здесь, стр. 163].

доколе их хватит, в параллель с палеонтологическим углублением в абхазскую речь, открывающим далекие перспективы в бездну времен, требующих на свое покрытие соответственным содержанием — бездны творческого труда и бездны творческого знания? Или, мы думаем, это найдет само собой, что не нужно не только усилия, а иногда и насилия где над человеческой косностью, а где над назойливыми беззастенчивыми научными выступлениями неучей, искусных, при нашей явной неорганизованности, ловкачей на все руки?